

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-5-20

Переживание пандемии COVID-19 и толерантность к неопределенности

О. Н. Первушина, А. А. Фёдоров, Е. А. Дорошева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлены результаты исследования переживания людьми пандемии COVID-19 в контексте толерантности к неопределенности. Респонденты (N = 2837) отвечали на ряд вопросов, касающихся того, как они переживают ситуацию, связанную с COVID-19; также им был предложен опросник MSTAT-II. Было установлено, что в эмоциональном фоне доминируют такие эмоции, как страх, раздражение, тревога и печаль. Толерантность к неопределенности оказалась отрицательно связана со всеми негативными эмоциями, что позволяет рассматривать ее как ресурс, который уменьшает негативные переживания в сложившейся ситуации. Также были получены данные, касающиеся связей особенностей переживания пандемии COVID-19 с возрастом и полом респондентов.

Ключевые слова

COVID-19, коронавирус, толерантность к неопределенности, переживание, эмоция

Для цитирования

Первушина О. Н., Фёдоров А. А., Дорошева Е. А. Переживание пандемии COVID-19 и толерантность к неопределенности // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 5–20. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-5-20

The Experience of the COVID-19 Pandemic and Tolerance to Uncertainty

O. N. Pervushina, A. A. Fedorov, E. A. Dorosheva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article presents the results of the study of the experience of the COVID-19 pandemic in the context of tolerance of uncertainty. Respondents (N = 2,837) answered a series of questions regarding how they are dealing with the COVID-19 situation, and MSTAT-II questionnaire. It was found that the emotional background is dominated by such emotions as fear, irritation, anxiety and sadness. Tolerance of uncertainty turned out to be negatively associated with all negative emotions, which allows us to consider it as a resource that reduces negative experience in the current situation. Data was also obtained regarding the relationship between the characteristics of the COVID-19 pandemic experience with the age and gender of the respondents.

© О. Н. Первушина, А. А. Фёдоров, Е. А. Дорошева, 2020

Keywords

COVID-19, coronavirus, tolerance of uncertainty, experience, emotion

*For citation*Pervushina, O. N., Fedorov, A. A., Dorosheva, E. A. (2020). The Experience of the COVID-19 Pandemic and Tolerance to Uncertainty. *Reflexio*, 13 (1), 5–20. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-5-20

Пандемия, обрушившаяся на человечество, показала неготовность мира к эффективному поведению в данной ситуации. Практически всё население земного шара оказалось перед лицом невидимой, но страшной и стремительно распространяющейся угрозы жизни и здоровью. При этом перспективы выхода и будущего не определены, а ситуация усугубляется экономическими проблемами, которые уже затронули часть людей и в перспективе могут коснуться также многих других. Фактически наблюдается погружение огромного множества людей в состояние затяжного пролонгированного стресса.

Чрезвычайно важной чертой этой ситуации является неопределенность: в отношении степени угрозы, наилучших способов поведения в данных условиях, перспектив собственной жизни, а также последствий переживания пандемии. Мы склонны рассматривать сложившуюся ситуацию как вариант ситуации неопределенности, в которой оказалось огромное количество людей.

Неопределенность является важнейшей чертой жизни современного общества и отдельных людей – членов этого общества. Значение фактора неопределенности отмечалось учеными, анализирующими риски современного общества. Так, Н. Луман рассматривает современное общество как самоорганизующуюся систему, которой в целом присуще создание ситуаций неопределенности [Луман, 2004]. Он указывает, что в современном обществе риск представляет собой изменяющееся в соответствии с социальными реалиями явление, своеобразным образом соотносящееся с понятием опасности. Опасность исходит из окружающего мира. Рискованное поведение возможно при неопределенности наступления как позитивного, так и негативного будущего исхода, в зависимости от принятого решения [Луман, 1994].

Велика роль случайности, неопределенности в современном мире также и по мнению Э. Гидденса: «Жить в эпоху “поздней современности” – значит жить в мире случайности и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории» [Giddens, 1991. P. 109]. Отечественные социологи также указывают на возрастание неопределенности, фрагментарности, случайности, хаоса как значимых факторов функционирования современного общества [Яницкий, 2003]. О значении фактора неопределенности для функционирования современных организаций и сотрудников этих организаций великолепно пишет Р. Сеннет [2004].

Исследования показывают, что коронавирусная угроза воспринимается как мощный стрессовый фактор, влияющий на психологическое благополучие и психическое состояние людей [Ванег'jee, 2020]. Имеются указания на значимость фактора неопределенности в сложившейся ситуации. «Хотя психиатрические последствия COVID-19 еще систематически не изучены, очень вероятно, что пугающий опыт вирусной пандемии, дополняемый чувством неопределенности и распро-

странением дезинформации через социальные сети, нанесет колоссальный урон психическому здоровью тех, кто лично столкнется с болезнью, их родственников и свидетелей этого момента» [Nagy et al., 2020]. В период пандемии люди реагируют на неопределенность сложившейся ситуации, на потерю контроля над собственной жизнью, собственным временем [Ibid.].

Мир переживает уникальную ситуацию всеобщего эксперимента, в котором участвует все человечество. Человечество находится под влиянием единого фактора – вируса COVID-19. При этом необходимо отметить разные способы переживания этой ситуации и разные стратегии поведения в разных странах, у различных социальных групп и у разных индивидуумов.

Таким образом, представляется необходимым и возможным проанализировать эту уникальную ситуацию, акцентируя внимание на фактор (ситуацию) неопределенности, т. е. предметом исследования является переживание ситуации неопределенности и выбор стратегий поведения в этой ситуации. Представляется важным анализ факторов, влияющих на специфику переживания ситуации и выбор поведенческих стратегий, а также последствия переживания пандемии при реализации различных вариантов стратегий поведения в период пандемии. При этом необходимо выявить специфику стратегий отдельных социальных и культурных групп и роль индивидуально-психологических особенностей.

Наряду с фиксацией глобального влияния данной ситуации на психологическое и психическое состояние человека и общества, высказываются соображения о том, что основную роль в формировании ответа на ситуацию пандемии, как и на другие стрессогенные ситуации, играют не сами стрессовые факторы, но то, как человек воспринимает стрессовые события, как они отражаются в его субъективной картине мира [Федосенко, 2020]. К настоящему времени проведено множество исследований, которые констатируют увеличение уровня тревоги и депрессии у жителей стран, охваченных пандемией [Balkhi et al., 2020; Mustafa, 2020; Roy et al., 2020]. Однако данные исследования посвящены главным образом констатации факта ухудшения психического состояния населения в силу действия ряда стрессовых факторов и не раскрывают механизмов воздействия тех из них, которые связаны с информационной составляющей пандемии. Лишь часть населения непосредственно сталкивается с тяготами, связанным с заболеванием, оказанием помощи другим, немедленным резким снижением финансового благополучия и ухудшением условий жизни. Для остальных людей на первый план выходит интерпретация ситуации, находящая свое отражение в изменении психического состояния. Картина ситуации становится важнейшим звеном между получаемой информацией и формированием психического неблагополучия. Известно, что поведение в ситуациях, связанных с высоким риском, существенно зависит от особенностей вероятностного прогнозирования [Китаев-Смык, 2009], а также от отношения к неопределенности, неоднозначности.

Ситуация пандемии как частный очень яркий случай ситуации неопределенности погружает человека в специфические психологические состояния, связанные с переживанием неопределенности и выработкой стратегий поведения.

Hirsh и соавторы [2012] утверждали, что увеличение психологической энтропии, хаоса приведет к усилению стресса и тревоги, и, таким образом, люди желают

снизить свой опыт энтропии до уровня, который можно контролировать. Однако учитывая, что индивидуальные различия в толерантности к неопределенности были тщательно задокументированы в исследованиях [Budner, 1962; McLain, 2009], реакции на увеличение энтропии, неопределенности могут не всегда включать стресс и беспокойство. Это центральный для DeYoung [2013] аргумент в пользу того, что энтропия (и следовательно, неопределенность) может быть одновременно отталкивающей и привлекательной: она может сигнализировать как о потенциальной угрозе, так и о потенциальной награде.

Есть свидетельства, что люди, более толерантные к неопределенности, более счастливы [Bardi et al., 2009], более мотивированы на обучение [Tapanes, Smith, White, 2009], более эффективны в самостоятельных действиях [Wolfradt et al., 1999] и более склонны вовлекаться в опыт кросс-культурного взаимодействия [Caligiuril, Tarique, 2012]. И наоборот, люди, которые менее толерантны к неоднозначности и неопределенности, как правило, больше беспокоятся [Buhr, Dugas, 2006], тревожатся, находятся в состоянии депрессии [Bardi et al., 2009; Carleton et al., 2012] и обсессивно-компульсивном состоянии [Tolin et al. 2003] и демонстрируют больше связанных со стрессом физиологических реакций [Greco, Roger, 2001].

Получается, что толерантность к неопределенности может выступить одним из психологических ресурсов, позволяющих лучше справляться со сложившейся ситуацией, которая часто характеризуется повышением не только неопределенности, но и тревоги, страха, растерянности и пр.

Цель данного исследования – описание первых реакций людей на ситуацию пандемии, описание их переживаний, отношение к ограничительным мерам и проверка наличия либо отсутствия их связи с отношением человека к неопределенности.

Выборка и методики

Для изучения восприятия коронавирусной инфекции COVID-19 и его связи с толерантностью к неопределенности нами был проведен опрос, охвативший 2 837 респондентов. Они отвечали на ряд вопросов, касающихся того, как они переживают ситуацию, связанную с COVID-19. Кроме этого, им был предложен опросник Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance – II (MSTAT-II), разработанный Д. Маклейном и адаптированный в России Д. А. Леонтьевым с соавторами.

Характеристики выборки. Выборка включала 2 837 человек (69,5 % женщин, 30,5 % мужчин), от 17 лет до 81 года ($M = 25,8$, $SD = 11,06$).

Результаты и обсуждение

На вопрос «Должны ли люди подчиняться ограничениям, которые на них накладывают власти в связи с COVID-19?» большая часть респондентов, 86,5 %, ответила утвердительно. При этом женщины дают утвердительный ответ чаще, чем мужчины ($\chi^2 = 51,2$, $p < 0,001$).

Усилия, которые предпринимает наше правительство в связи с COVID-19, как недостаточные оценила большая часть респондентов (56,5 %). 30,1 % респондентов оценили их как адекватные, а 13,4 % – как излишние (рис. 1).

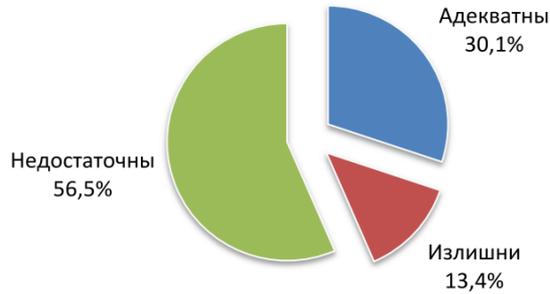

Рис. 1. Ответы на вопрос № 9
«Усилия, которые предпринимает наше правительство
в связи с COVID-19, ...»

Ответы на вопрос «Как вы думаете, насколько правдива официальная информация в отношении вспышки коронавируса в нашей стране?» распределились следующим образом (рис. 2).

Рис. 2. Ответы на вопрос
«Как вы думаете, насколько правдива официальная информация
в отношении вспышки коронавируса в нашей стране?»

В эмоциональном фоне доминируют такие эмоции, как *страх*, *раздражение* ($Mdn = 3$), *тревога* ($Mdn = 3$) и *печаль* ($Mdn = 3$). Если говорить о сильных эмоциях, то это *раздражение* (18 % ответов в категории «очень сильная эмоция») и *скука* (19 % ответов в категории «очень сильная эмоция»). Распределение отве-

тов респондентов на вопрос о силе эмоций в связи с ситуацией с пандемией COVID-19 приведено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос о силе эмоций в связи с ситуацией с пандемией COVID-19

Эмоция	% ответов					
	Не испытываю такую эмоцию (0)	Совсем слабая эмоция (1)	Слабая эмоция (2)	Средняя по силе эмоция (3)	Сильная эмоция (4)	Очень сильная эмоция (5)
Страх	18,54	21,82	21,96	22,98	10,50	4,20
Гнев	28,69	16,07	16,46	17,87	11,56	9,34
Раздражение	13,47	12,16	15,97	20,13	19,99	18,29
Любопытство	22,24	16,11	17,87	22,14	13,08	8,57
Скука	27,00	13,50	13,04	15,19	12,76	18,51
Тревога	15,09	17,41	17,06	20,87	16,32	13,25
Удовольствие	56,22	16,78	11,91	9,76	3,63	1,69
Восторг	74,52	13,15	6,17	4,20	1,09	0,88
Счастье	63,62	14,38	10,79	7,16	2,47	1,59
Отчаяние	44,41	15,90	14,95	12,44	6,56	5,75
Отвращение	50,02	13,39	11,70	11,46	6,73	6,70
Грусть	19,07	15,05	16,74	19,14	15,69	14,31

Толерантность к неопределенности оказалась отрицательно связана со всеми негативными эмоциями: страхом, гневом, раздражением, тревогой, отчаянием и пр. (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционные связи толерантности к неопределенности и возраста с субъективной силой эмоций, связанных с ситуацией пандемии COVID-19

		Толерантность к неопределенности	Возраст
ТН	Spearman's rho	–	
	p-value	–	
Возраст	Spearman's rho	–0,119 ***	–
	p-value	< 0,001	–

		Толерантность к неопределенности	Возраст
Страх	Spearman's rho	-0,303 ***	0,078 ***
	p-value	< 0,001	< 0,001
Гнев	Spearman's rho	-0,173 ***	-0,015
	p-value	< 0,001	0,427
Раздражение	Spearman's rho	-0,221 ***	-0,028
	p-value	< 0,001	0,141
Любозытство	Spearman's rho	-0,000	-0,089 ***
	p-value	0,989	< 0,001
Скука	Spearman's rho	-0,041 *	-0,332 ***
	p-value	0,028	< 0,001
Тревога	Spearman's rho	-0,357 ***	0,079 ***
	p-value	< 0,001	< 0,001
Удовольствие	Spearman's rho	0,051 **	-0,207 ***
	p-value	0,007	< 0,001
Восторг	Spearman's rho	0,057 **	-0,118 ***
	p-value	0,002	< 0,001
Счастье	Spearman's rho	0,057 **	-0,171 ***
	p-value	0,003	< 0,001
Отчаяние	Spearman's rho	-0,282 ***	-0,107 ***
	p-value	< 0,001	< 0,001
Отвращение	Spearman's rho	-0,129 ***	-0,109 ***
	p-value	< 0,001	< 0,001
Грусть	Spearman's rho	-0,253 ***	-0,119 ***
	p-value	< ,001	< 0,001

Таким образом, чем ниже толерантность к неопределенности, тем более отрицательным является эмоциональный фон, связанный с пандемией коронавирусной

инфекции. Интересно, что толерантность к неопределенности имеет слабую положительную связь с такими эмоциями, как удовольствие, счастье и восторг. Иными словами, эти данные позволяют рассматривать толерантность к неопределенности не только как ресурс, который уменьшает негативные переживания в сложившейся ситуации, но и позволяет увидеть в ней обстоятельства, способствующие определенным положительным переживаниям. Стоит, конечно, отметить, что в целом людям не свойственно испытывать в сложившейся ситуации положительные эмоции: мода и медиана для эмоций счастья, удовольствия и восторга равны 0 (ответ «не испытываю такую эмоцию»).

Что касается возраста, то наиболее тесно он связан с переживанием такой эмоции, как *скука*: чем моложе респондент, тем сильнее у него эта эмоция ($r_s = -0,332$, $p < 0,001$). У респондентов возрастной группы 17–25 лет скука выражена сильнее, чем у остальных групп ($p_{K-W} < 0,001$). Попарное сравнение тестом Дуосса – Стилла – Критчлоу – Флингера (DSCF test) подтверждает этот вывод. Также у респондентов этой возрастной группы сильнее выражена такая эмоция, как *любопытство*. Во всех остальных возрастных группах самый популярный ответ для этой эмоции относится к категории «0» («не испытываю такую эмоцию»), в то время как в возрастной группе 17–25 лет самый частый ответ относится к категории «3» («средняя по силе эмоция»). Различие между группами по этой эмоции подтверждается критерием Краскела – Уоллиса ($p_{K-W} < 0,001$). DSCF test, контролирующей ошибку первого рода, показывает значимые различия между первой возрастной группой (17–25 лет) и второй и третьей возрастными группами (26–50 лет и 51–65 лет). При этом вторая и третья группа по силе этой эмоции между собой не различаются.

Особый интерес представляют ответы людей из наиболее уязвимой для коронавируса возрастной группы (старше 65 лет). Наиболее интенсивной эмоцией у них является тревога ($Mo = 5$), при этом нельзя утверждать, что в этом плане они отличаются от других групп ($p_{K-W} = 0,669$). Однако отметим, что это единственная возрастная группа, в которой самый популярный ответ для эмоции тревоги относится к категории «5» («очень сильная эмоция»).

Различия по полу и описательные статистики приведены в табл. 3, 4.

Таблица 3
Различия между мужчинами и женщинами
в субъективной силе эмоций,
связанных с ситуацией пандемии COVID-19

	U	p
Страх	603246	< 0,001
Гнев	765779	< 0,001
Раздражение	772401	< 0,001
Любопытство	847822	0,797

	U	p
Скука	794967	0,003
Тревога	601950	< 0,001
Удовольствие	849823	0,866
Восторг	811329	0,007
Счастье	845376	0,663
Отчаяние	725458	< 0,001
Отвращение	833044	0,289
Грусть	700006	< 0,001

Таблица 4

Описательные статистики
для групп мужчин (*m*) и женщин (*w*)

	Пол	N	Mean	Median	SD
Страх	m	865	1,479	1,00	1,330
	w	1972	2,195	2,00	1,388
Гнев	m	865	1,766	1,00	1,720
	w	1972	2,039	2,00	1,641
Раздражение	m	865	2,565	3,00	1,680
	w	1972	2,844	3,00	1,632
Любопытство	m	865	2,151	2,00	1,670
	w	1972	2,126	2,00	1,564
Скука	m	865	2,443	2,00	1,900
	w	1972	2,219	2,00	1,839
Тревога	m	865	1,872	2,00	1,530
	w	1972	2,713	3,00	1,594
Удовольствие	m	865	0,939	0,00	1,320
	w	1972	0,924	0,00	1,279
Восторг	m	865	0,543	0,00	1,040
	w	1972	0,436	0,00	0,930

	Пол	N	Mean	Median	SD
Счастье	m	865	0,785	0,00	1,250
	w	1972	0,738	0,00	1,179
Отчаяние	m	865	1,091	0,00	1,440
	w	1972	1,508	1,00	1,603
Отвращение	m	865	1,392	1,00	1,700
	w	1972	1,282	0,00	1,595
Грусть	m	865	2,034	2,00	1,690
	w	1972	2,564	3,00	1,668

Как видно из приведенных данных, у женщин несколько интенсивнее практически все «отрицательные» эмоции (страх, гнев, раздражение, тревога, отчаяние, грусть), а у мужчин несколько интенсивней такие эмоции, как скука и восторг.

Также у мужчин выше, чем у женщин, толерантность к неопределенности ($t = 13,0$, $p < 0,001$). Возможно, именно с этим связано то, что для них характерны менее интенсивные «отрицательные» эмоции.

Можно отметить, что чем выше толерантность к неопределенности, тем меньше страх заболеть COVID-19 ($r_s = -0,176$, $p < 0,001$) и тем меньше изменилось обычное поведение человека в связи с пандемией коронавирусной инфекции ($r_s = -0,125$, $p < 0,001$).

Наконец, если говорить о доверии к источникам информации о коронавирусе COVID -19, то наибольшим доверием пользуются научные статьи ($Mdn = 73\%$, $Mo = 80\%$) и мнение известных специалистов в данной области ($Mdn = 70\%$, $Mo = 50\%$), а наименьшим – мнение окружающих людей ($Mdn = 20\%$, $Mo = 0\%$) и центральное телевидение ($Mdn = 30\%$, $Mo = 0\%$). Женщины больше, чем мужчины, доверяют центральному телевидению ($p < 0,001$), официальным сообщениям ($p < 0,001$), научным статьям ($p < 0,047$) и мнению известных специалистов в данной области ($p < 0,001$).

Эти данные полностью согласуются с данными, полученными другими исследователями. Обладание точной адекватной информацией приводит к уменьшению стресса, тревоги, депрессии [Wang et al., 2020, Mustafa, 2020]. При этом использование социальных сетей влияет на повышение уровня тревожности, страха и беспокойства [Wang et al., 2020]. Рой с соавторами показали, что 40% их респондентов испытывают страх и беспокойство по поводу информации из социальных сетей [Roy et al., 2020]. Состояние людей улучшается, если они получают информацию из достоверных, с их точки зрения, источников. К таковым относится информация, полученная из уст ученых и медиков [Yuan et al., 2020; McFadden et al., 2020].

Интересно, что толерантность к неопределенности имеет слабую, но значимую отрицательную связь с доверием ко всем источниками информации. По-видимому, чем выше толерантность к неопределенности, тем спокойнее человек относится к самой разной, в том числе противоречивой информации, не сильно доверяя ей, а, скорее, накапливая различные позиции, мнения, факты, пополняя собственную базу данных, чтобы в какой-то момент времени прийти к формированию и оформлению собственного мнения, решения.

Заключение

Таким образом, полученные результаты показывают преобладание негативных эмоций в переживаниях респондентов в ситуации коронавируса, что свидетельствует о необходимости поиска ресурсов, средств помощи людям в аналогичных ситуациях. Мы получили данные, свидетельствующие о значительной роли толерантности к неопределенности в переживании ситуации пандемии COVID-19. Ресурсный потенциал толерантности к неопределенности требует пристального внимания и дальнейших исследований, особенно в связи с такими личностными характеристиками, как нейротизм, открытость к опыту, экстраверсия. При всей очевидной значимости личностных характеристик для переживания ситуации неопределенности фокус исследовательского внимания должен быть направлен на анализ самой ситуации и реакции на нее. Интерес представляет также анализ факторов, влияющих на переживание человеком данной ситуации и выработку оптимальной стратегии поведения. Действия государственных и местных органов власти, а также функционирование медиасферы, безусловно, являются ведущими факторами в этой ситуации. Оптимизация их деятельности становится очевидной насущной задачей.

Список литературы

- Китаев-Смык Л. А.* Психология стресса: психологическая антропология стресса. М: Академический проект, 2009.
- Луман Н.* Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
- Луман Н.* Понятие риска // Альманах THESIS. 1994. №5. С. 135–160.
- Сеннет Р.* Коррозия характера. Новосибирск, 2004.
- Федосенко Е. В.* Жизнь после карантина, психология смыслов и коронавируса COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2020. № XXV. С. 35–46.
- Яницкий О. Н.* Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35.
- Balkhi F., Nasir A., Zehra A., Riaz R.* Psychological and Behavioral Response to the Coronavirus (COVID-19) Pandemic // Cureus, 2020. Vol. 12, № 5. P. e7923. DOI 10.7759/cureus.7923.
- Banerjee D.* The COVID-19 outbreak: Crucial role the psychiatrists can play // Asian Journal of Psychiatry. 2020. Vol. 50. P. 102014. DOI 10.1016/j.ajp.2020.102014
- Bardi A., Guerra V. M., Sharadeh G., Ramdeny D.* Openness and ambiguity intolerance: Their differential relations to wellbeing in the context of an academic life transi-

tion // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 47. P. 219–223. DOI 10.1016/j.paid.2009.03.003.

Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable // *Journal of Personality*. 1962. Vol. 30. P. 29–50. DOI 10.1111/j.1467-6494.1962.tb02303.x.

Buhr K., Dugas M. J. Investigating the construct validity of intolerance of uncertainty and its unique relationship with worry // *Journal of Anxiety Disorders*. 2006. Vol. 20. P. 222–236. DOI 10.1016/j.janxdis.2004.12.004.

Caligiuri P., Tarique I. Dynamic cross-cultural competencies and global leadership effectiveness // *Journal of World Business*. 2012. Vol. 47, № 4. P. 612–622. DOI 10.1016/j.jwb.2012.01.014.

Carleton R. N., Mulvogue M. K., Thibodeau M. A., McCabe R. E., Antony M. M., Asmundson G. J. Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression // *Journal of Anxiety Disorders*. 2012. Vol. 26, № 3. P. 468–479. DOI 10.1016/j.janxdis.2012.01.011.

DeYoung C. G. The neuromodulator of exploration: A unifying theory of the role of dopamine in personality // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2013. Vol. 7. P. 762. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00762>.

Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991.

Greco V., Roger D. Coping with uncertainty: The construction and validation of a new measure // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 31. P. 519–534. DOI 10.1016/s0191-8869(00)00156-2.

Hirsh J. B., Mar R. A., Peterson J. B. Psychological entropy: A framework for understanding uncertainty-related anxiety // *Psychological Review*. 2012. Vol. 119, № 2. P. 304–320. DOI 10.1037/a0026767.

McLain D. L. Evidence of the properties of an ambiguity tolerance measure: The multiple stimulus types ambiguity tolerance scale-II (MSTAT-II) // *Psychological Reports*. 2009. Vol. 105, № 3. P. 975–988. DOI 10.2466/pr0.105.3.975-988.

McFadden S. M., Malik A. A., Aguolu O. G., Willebrand K. S., Omer S. B. Perceptions of the adult US population regarding the novel coronavirus outbreak // *PLoS ONE*. 2020. Vol. 15, № 4. P. e0231808. DOI 10.1371/journal.pone.0231808

Mustafa N. Psychological Stress and Associated Factors during the Coronavirus Disease (COVID-19). 2020. DOI 10.13140/RG.2.2.21652.24969

Naguy A., Moodliar-Rensburg S., Alamiria B. Coronaphobia and chronophobia – A psychiatric perspective // *Asian Journal of Psychiatry*. 2020. Vol. 51. P. 102050.

Roy D., Tripathy S., Kar K., Sharma N., Verma S. K., Kaushal V. Study of knowledge, attitude, anxiety & perceived mental healthcare need in Indian population during COVID-19 pandemic // *Asian Journal of Psychiatry*. 2020. Vol. 51. P. 1–7. DOI 10.1016/j.ajp.2020.102083

Tapanes M. A., Smith G. G., White J. A. Cultural diversity in online learning: A study of the perceived effects of dissonance in levels of individualism/collectivism and tolerance of ambiguity // *Internet and Higher Education*. 2009. Vol. 12. P. 26–34. DOI 10.1016/j.iheduc.2008.12.001.

Tolin D. F., Abramowitz J. S., Brigidi B. D., Foa E. B. Intolerance of uncertainty in obsessive-compulsive disorder // *Journal of Anxiety Disorders*. 2003. Vol. 17. P. 233–242. DOI 10.1016/S0887-6185(02)00182-2.

Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C, Ho R. Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China // *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17. P. 1729. DOI 10.3390/ijerph17051729.

Wolfradt U., Oubaid V., Straube E. R., Bischoff N., Mischo J. Thinking styles, schizotypal traits and anomalous experiences // *Personality and Individual Differences*. 1999. Vol. 27. P. 821–830. DOI 10.1016/S0191-8869(99)00031-8.

Yuan S., Liao Zh., Huang H., Jiang B., Zhang X., Wang Y., Zhao M. Comparison of the Indicators of Psychological Stress in the Population of Hubei Province and Non-Endemic Provinces in China During Two Weeks During the Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) // *Medical science monitor*. 2020. Vol. 26. P. e923767-1 – e923767-10. DOI 10.12659/MSM.923767

References

Balkhi, F., Nasir, A., Zehra, A., Riaz, R. (2020). Psychological and Behavioral Response to the Coronavirus (COVID-19) Pandemic. *Cureus*, 12 (5), e7923. DOI 10.7759/cureus.7923

Banerjee, D. (2020). The COVID-19 outbreak: Crucial role the psychiatrists can play. *Asian Journal of Psychiatry*, 50, 102014. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102014>

Bardi, A., Guerra, V. M., Sharadeh, G., & Ramdeny, D. (2009). Openness and ambiguity intolerance: Their differential relations to wellbeing in the context of an academic life transition. *Personality and Individual Differences*, 47, 219–223. DOI 10.1016/j.paid.2009.03.003.

Budner, S. (1962). Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journal of Personality*, 30, 29–50. DOI 10.1111/j.1467-6494.1962.tb02303.x.

Buhr, K., & Dugas, M. J. (2006). Investigating the construct validity of intolerance of uncertainty and its unique relationship with worry. *Journal of Anxiety Disorders*, 20, 222–236. DOI 10.1016/j.janxdis.2004.12.004.

Caligiuri, P., & Tarique, I. (2012). Dynamic cross-cultural competencies and global leadership effectiveness. *Journal of World Business*, 47 (4), 612–622. DOI 10.1016/j.jwb.2012.01.014.

Carleton, R. N., Mulvogue, M. K., Thibodeau, M. A., McCabe, R. E., Antony, M. M., & Asmundson, G. J. (2012). Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression. *Journal of Anxiety Disorders*, 26 (3), 468–479. DOI 10.1016/j.janxdis.2012.01.011.

DeYoung, C. G. (2013). The neuromodulator of exploration: A unifying theory of the role of dopamine in personality. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7, 762. DOI 10.3389/fnhum.2013.00762.

Fedosenko, E. V. (2020). Zhizn' posle karantina, psikhologiya smyslov i koronavirus COVID-19 [Life after the quarantine: psychology of sense and coronavirus COVID-19]. *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i akme*, XXV, 35–46.

Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Greco, V., & Roger, D. (2001). Coping with uncertainty: The construction and validation of a new measure. *Personality and Individual Differences*, 31, 519–534. DOI 10.1016/s0191-8869(00)00156-2.

Hirsh, J. B., Mar, R. A., & Peterson, J. B. (2012). Psychological entropy: A framework for understanding uncertainty-related anxiety. *Psychological Review*, 119 (2), 304–320. DOI 10.1037/a0026767

Kitaev-Smyk, L. A. (2009). *Psikhologiya stressa: psikhologicheskaya antropologiya stressa* [Psychology of stress]. M: Akademicheskii proekt.

Luman, N. (2004). *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. M.: Logos.

Luman, N. (1994). Poniatie riska [The concept of risk]. *Al'manakh THESIS*, 5, 35–160.

McFadden, S. M, Malik, A. A, Aguolu, O. G, Willebrand, K. S, Omer, S. B (2020). Perceptions of the adult US population regarding the novel coronavirus outbreak. *PLoS ONE*, 15 (4), e0231808. DOI 10.1371/journal.pone.0231808

McLain, D. L. (2009). Evidence of the properties of an ambiguity tolerance measure: The multiple stimulus types ambiguity tolerance scale–II (MSTAT–II). *Psychological Reports*, 105 (3), 975–988. DOI 10.2466/pr0.105.3.975-988.

Mustafa N. (2020). Psychological Stress and Associated Factors during the Coronavirus Disease (COVID-19). DOI 10.13140/RG.2.2.21652.24969

Naguy, A., Moodliar-Rensburg, S., Alamiria, B. (2020). Coronaphobia and chronophobia – A psychiatric perspective. *Asian Journal of Psychiatry*, 51, 102050.

Roy, D., Tripathy, S., Kar, K., Sharma, N., Verma, S. K., Kaushal, V. (2020). Study of knowledge, attitude, anxiety & perceived mental healthcare need in Indian population during COVID-19 pandemic. *Asian Journal of Psychiatry*, 51, 1–7. DOI 10.1016/j.ajp.2020.102083

Sennet, R. (2004). *Korroziya kharaktera* [The Corrosion of Character]. Novosibirsk.

Tapanes, M. A., Smith, G. G., & White, J. A. (2009). Cultural diversity in online learning: A study of the perceived effects of dissonance in levels of individualism/collectivism and tolerance of ambiguity. *Internet and Higher Education*, 12, 26–34. DOI 10.1016/j.iheduc.2008.12.001.

Tolin, D. F., Abramowitz, J. S., Brigidi, B. D., & Foa, E. B. (2003). Intolerance of uncertainty in obsessive-compulsive disorder. *Journal of Anxiety Disorders*, 17, 233–242. DOI 10.1016/S0887-6185(02)00182-2.

Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C, Ho R. (2020). Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 1729. DOI 10.3390/ijerph17051729.

Wolfradt, U., Oubaid, V., Straube, E. R., Bischoff, N., & Mischo, J. (1999). Thinking styles, schizotypal traits and anomalous experiences. *Personality and Individual Differences*, 27, 821–830. DOI 10.1016/S0191-8869(99)00031-8.

Yanitskii, O. N. (2003). Sotsiologiia riska: kliuchevye idei [Sociology of risk: key ideas]. *Mir Rossii*, 1, 3–35.

Yuan, S., Liao, Zh., Huang, H., Jiang, B., Zhang, X., Wang, Y., Zhao, M. (2020). Comparison of the Indicators of Psychological Stress in the Population of Hubei Province and Non-Endemic Provinces in China During Two Weeks During the Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). *Medical science monitor*, 26, e923767-1 – e923767-10. DOI 10.12659/MSM.923767

*Материал поступил в редколлегию
The article was submitted
18.07.2020*

Сведения об авторах

Первушина Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности, заместитель директора Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

olgap7@yandex.ru
Scopus Author ID 57190754195
AuthorID RSCI 406156

Фёдоров Александр Александрович – кандидат психологических наук, зав. кафедрой клинической психологии, доцент кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета, (Новосибирск, Россия)

fedleks@yandex.ru
ORCID 0000-0003-1272-7859
Scopus Author ID 48661946900
AuthorID RSCI 201674

Дорошева Елена Алексеевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры сравнительной психологии Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

elena.dorosheva@mail.ru
Scopus Author ID 6504158742
AuthorID RSCI 95192

Information about the Authors

Olga N. Pervushina – PhD, Head of the Section of Personality Psychology, Deputy Director of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

olgap7@yandex.ru

Scopus Author ID 57190754195

AuthorID RSCI 406156

Alexandr A. Fedorov – PhD, Head of the Section of Clinical Psychology at the Institute of Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

fedleks@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1272-7859

Scopus Author ID 48661946900

AuthorID RSCI 201674

Elena A. Dorosheva – PhD, Associate Professor of the Section of Comparative Psychology at the Institute of Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

elena.dorosheva@mail.ru

Scopus Author ID 6504158742

AuthorID RSCI 95192